

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕДЕЛОВ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ УГОЛОВНЫХ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

И. С. МАРУСИН*

Марусин Игорь Станиславович,
доктор юридических наук,
профессор СПбГУ

В статье рассматриваются различные аспекты разграничения временной и территориальной юрисдикции международных уголовных судебных учреждений и государств, на территории которых этих международных органы осуществляли или осуществляют свою деятельность. Отмечается, что с точки зрения определения пределов такой юрисдикции международные уголовные судебные учреждения можно разделить на три группы. К первой, в частности, относится Нюрнбергский трибунал, который распространял свою юрисдикцию на все деяния подсудимых, совершенные в период Второй мировой войны, независимо от места их совершения. Ко второй группе относятся, в частности, созданные Советом Безопасности ООН Международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, чья юрисдикция ограничена территорией соответствующих

государств и указанными в резолюциях Совета Безопасности временными периодами. К третьей группе автор относит Международный уголовный суд, чья юрисдикция распространяется только на территорию государств — членов Суда в течение периода действия Статута Суда для данного государства. При этом особое внимание обращается на ситуацию, возникающую в том случае, если границы территории государств-участников подвергаются изменениям. Подобная проблема, например, возникла в январе 2016 г., когда Палата предварительного производства дала согласие Прокурору Суда на проведение расследования деяний, совершенных в 2008 г. в ходе вооруженного конфликта в Южной Осетии, которая, как известно, еще в 1992 г. объявила о своей независимости от Грузии и членом Международного уголовного суда не является. Автор ставит вопрос: кто должен определять территориальные пределы юрисдикции Международного уголовного суда в тех случаях, когда государственная принадлежность определенной территории является спорной? По мнению автора, Международный уголовный суд как международная межправительственная организация вправе сам определить свою позицию по тому или иному юридически значимому вопросу международной жизни. Однако эта позиция не может быть определяющей для других государств и между-

* Igor S. Marusin — doctor of legal sciences, professor of St. Petersburg State University.

E-mail: igormarusin@list.ru

© Марусин И. С., 2017

народных организаций и не может воспрепятствовать им занять другую позицию и действовать в соответствии с ней, в том числе отказаться от сотрудничества с Судом при расследовании спорной ситуации. Для повышения авторитетности и обоснованности решения Международным уголовным судом подобных политических вопросов, касающихся в том числе и международно-правового статуса определенной территории, автор вносит предложение передать их решение Ассамблее государств — участников Суда.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, международное уголовное право, международные уголовные судебные учреждения, юрисдикция Международного уголовного суда, международная юстиция, конфликт в Южной Осетии.

MARUSIN I. S. PROBLEMS OF DEFINITION OF THE LIMITS OF TIME AND SPACE IMPOSED ON THE JURISDICTION OF INTERNATIONAL CRIMINAL INSTITUTIONS

The article considers the problem of delimitation of temporal and territorial jurisdiction of international criminal judicial institutions and of the states where such international bodies have performed or perform their activity. From this point of view, the author divides all international criminal judicial institutions in three groups. The first group includes, in particular, the Nuremberg Tribunal which had jurisdiction over all crimes committed by the defendants during the Second World War, irrespective of the place where these crimes had been committed. The second group includes, in particular, the International Tribunals for the former Yugoslavia and Rwanda established by the UN Security Council. Their jurisdiction is limited only to the territory of the relevant states and to the time periods indicated in the resolutions of the UN Security Council. The third group includes the International Criminal Court which has jurisdiction only over the territory of the member states within the period of validity of the Court Statute for the state concerned. Special attention is paid to the situation when the borders of a member state are changed. Such a situation arose in 2016 when the Pre-Trial Chamber of the International Criminal Court authorized the Prosecutor to investigate the crimes committed during the armed conflict in South Ossetia in 2008. However South Ossetia proclaimed its independence from Georgia in 1992 and is not a member state of the International Criminal Court. The author poses a question: who shall define the territorial limits of the ICC jurisdiction in cases when the state affiliation of a certain territory is disputable? In the author's opinion, the International Criminal Court as an international intergovernmental organization has a right to define its position on any legally relevant issue of an international life. However, its position is not binding for other states and international organizations and may not preclude them from taking another position and acting according to it, including the refusal from cooperation with the ICC in the investigation of a disputable situation. To enhance the authority and justification of the ICC solutions to similar political issues related, in particular, to the international and legal status of a given territory, the author proposes to refer such issues to the Assembly of States Parties.

KEYWORDS: international law, international criminal law, international criminal judicial institutions, jurisdiction of the International Criminal Court, international justice, conflict in South Ossetia.

Определение территориальных и временных пределов юрисдикции имеет особое значение для международных уголовных судебных учреждений. Внутригосударственные суды осуществляют свою юрисдикцию в пределах территории своего государства и его административно-территориальных единиц. Юрисдикция же международных судебных учреждений определяется в учредительных договорах соответствующего учреж-

дения и может быть весьма различной в зависимости от целей создания данного учреждения.

По характеру определения пределов временной и территориальной юрисдикции международные уголовные судебные учреждения можно подразделить на три группы.

К *первой группе* относятся первые международные суды такого рода, а именно Нюрнбергский и Токийский трибуналы. В их уставах нет положений, устанавливающих пределы временной и территориальной юрисдикции, поскольку они были созданы для преследования преступлений, совершенных руководителями Германии и Японии. Статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала предусматривает, что Трибунал имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси Берлин — Рим — Токио, совершили преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности¹. Таким образом, временная и территориальная юрисдикция Нюрнбергского трибунала определялась деяниями подсудимых, высших политических и военных руководителей Германии в период Второй мировой войны. Все эти деяния, если они квалифицировались как преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, независимо от места и времени совершения подпадали под юрисдикцию Трибунала.

Такое решение представляется вполне оправданным. В период Второй мировой войны немецкие вооруженные силы вели боевые действия на территории десятков государств в Европе и Африке, а военно-морские силы (в первую очередь подводные лодки) — в том числе у берегов Америки. В этих условиях затруднительно точно определить юрисдикцию Международного трибунала при помощи перечисления тех государств или регионов, на территорию которых она распространялась бы. При этом надо учитывать, что в период с 1938 по 1945 г. государственные границы в Европе были подвержены значительным изменениям, которые признавались одними государствами и не признавались (или не сразу признавались) другими. Поэтому в определенных ситуациях было бы трудно определить, под юрисдикцию какого государства подпадает то или иное из рассматриваемых Трибуналом преступлений. Использованный в Уставе Нюрнбергского трибунала способ определения его юрисдикции позволял избежать споров о государственной принадлежности той или иной территории. Например, независимо от того, считать ли город Львов частью Украинской ССР или Польши, деяния, совершенные там одним из подсудимых в 1943 г., подпадали бы под юрисдикцию Международного трибунала.

Что касается определения временных пределов его юрисдикции, то в этом не было необходимости, поскольку все деяния, за которые привлекались к ответственности подсудимые, были совершены ими в период пребывания у власти в Германии, т. е. с января 1933 г. по май 1945 г. По такому же пути пошли и создатели Токийского трибунала².

¹ Действующее международное право: в 3 т. / сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 1997. Т. 3. С. 764–765.

² Подробнее о деятельности этого органа см.: Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных военных преступников. М.; Л., 1950.

Ко второй группе относятся международные трибуналы, созданные резолюциями Совета Безопасности ООН или соглашениями между ООН и соответствующим государством. Первый из таких органов, Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии, был учрежден в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН № 808 от 22 февраля 1993 г. Статья 1 его Устава гласит: «Международный трибунал полномочен в соответствии с положениями данного Устава осуществлять судебное преследование лиц, ответственных на серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г.»³. В положениях этой статьи есть две небрежности, одна из которых, правда, исправляется в ст. 9 Устава «Параллельная юрисдикция». Там уточняется, что юрисдикция Трибунала распространяется на деяния, совершенные с 1 января 1991 г. Вторая небрежность не исправляется в тексте Устава. Она касается названия государства, на территорию которого распространяется его юрисдикция. Словосочетание «бывшая Югославия» вполне можно употреблять в средствах массовой информации или обыденной речи, однако в юридическом документе, тем более имеющем такое значение, правильнее было бы использовать официальное название того государства, на территорию которого распространяется юрисдикция создаваемого органа, а именно Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). Ведь именно это государство, а не «бывшая Югославия», заключало с соседними государствами международные договоры, в которых определялись его границы и, следовательно, территориальные пределы юрисдикции Международного трибунала.

Кроме того, на момент учреждения Трибунала существовала другая Югославия, а именно Союзная Республика Югославия (СРЮ), в которую входили Сербия (с краем Косово) и Черногория. Позже Черногория вышла из состава Союзной Республики Югославия и, таким образом, появились две бывших Югославии — СФРЮ и СРЮ. Вероятно, эти небрежности порождены неприязнью авторов Устава Международного трибунала и соответствующей резолюции Совета Безопасности к содержащемуся в официальном названии бывшей Югославии слову «социалистическая».

Впрочем, эти небрежности не привели к каким-либо затруднениям в деятельности Международного трибунала. Он распространял свою юрисдикцию на все шесть бывших союзных республик Югославии, границы которой были четко определены в соответствующих международных соглашениях. Его юрисдикция, бесспорно, распространялась не только на граждан вновь возникших на территории Югославии государств, но и граждан третьих стран, также принимавших участие в вооруженных конфликтах в той или иной бывшей союзной республике, например на военнослужащих стран НАТО, которые весной 1999 г. участвовали в бомбардировках населенных пунктов в Сербии и Черногории с целью заставить югославские

³ Действующее международное право... Т. 1. С. 748.

власти вывести свои войска из Косово. Однако никаких оснований для привлечения их к ответственности Обвинитель Трибунала не нашел.

К той же модели относится и второй международный трибунал, созданный Советом Безопасности ООН, а именно Трибунал по Руанде. Статья 8 его Устава, утв. Резолюцией № 955 Совета Безопасности ООН 8 ноября 1994 г., предусматривает, что его юрисдикция распространяется на лиц, совершивших серьезные нарушения международного гуманитарного права на территории Руанды, и граждан Руанды, совершивших подобные нарушения на территории соседних государств в период с 1 января по 31 декабря 1994 г.⁴ Таким образом, временная юрисдикция Трибунала по Руанде ограничена лишь одним 1994 г. Именно в течение этого года и были совершены те действия, которые вошли в историю как «геноцид в Руанде», однако вооруженный конфликт, в ходе которого было совершено много серьезных нарушений международного гуманитарного права, начался раньше и не закончился по сей день, приняв к тому же международный характер, в частности, будучи перенесенным на территорию соседних Демократической Республики Конго и Бурунди, куда переместились многие сотни тысяч беженцев из Руанды⁵. Однако впоследствии Совет Безопасности ООН не стал увеличивать пределы временной юрисдикции Трибунала.

Территориальная юрисдикция Трибунала по Руанде, как и Трибунала по бывшей Югославии, распространяется на территорию государства, где произошел конфликт, в ходе которого и были совершены массовые преступления, побудившие Совет Безопасности ООН учредить специальный международный орган для их преследования, а именно на территорию Руанды. При этом Устав Трибунала по Руанде содержит важное дополнение в этом вопросе по сравнению с Уставом Трибунала по бывшей Югославии. Юрисдикция Трибунала по Руанде распространяется также на граждан Руанды, совершивших подпадающие под юрисдикцию Трибунала преступления, за пределами ее границ, в первую очередь на территории соседних государств. Таким образом, пространственная юрисдикция Трибунала по Руанде не ограничивается лишь территорией этого государства. Этим она напоминает пространственную юрисдикцию Международного уголовного суда, который по характеру определения пределов временной и территориальной юрисдикции можно выделить в *третью группу*.

Основное отличие Международного уголовного суда от международных судебных учреждений, рассмотренных выше, состоит в том, что он был создан не для рассмотрения преступлений, совершенных в ходе какого-то определенного вооруженного конфликта, а для преследования всех преступлений, подпадающих под его юрисдикцию, которые будут совершены на территории государств-членов после того, как они признают для себя обязательность Статута Суда.

⁴ Там же. С. 764.

⁵ Подробнее об этом см.: *Van Reybrouck D. Kongo. En historia. Stockholm, 2012. S. 406–444.*

Таким образом, временные пределы юрисдикции Международного уголовного суда определяются по отношению к каждому государству-члену индивидуально.

Как известно, Международный уголовный суд вправе начать уголовное преследование в следующих трех случаях:

1) ситуация, при которой, как представляется, были совершены одно или несколько преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, передается для рассмотрения Прокурору Суда Советом Безопасности ООН, действующим на основании гл. 7 Устава ООН;

2) ситуация, при которой, как представляется, были совершены одно или несколько преступлений, передается для рассмотрения Прокурору Суда государством-участником;

3) Прокурор Суда по собственной инициативе начал расследование одного или нескольких преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда (ст. 13 Статута)⁶.

При этом пределы временной и территориальной юрисдикции Международного уголовного суда в этих трех случаях различны.

В первом из них — когда определенная ситуация передается на рассмотрение Прокурора Суда Советом Безопасности ООН — эти пределы ограничены той ситуацией, которая передается на рассмотрение Суда. Временные рамки могут быть как указаны, так и не указаны в соответствующей резолюции Совета Безопасности. Если они указаны, то, очевидно, Международный суд вправе осуществлять свою юрисдикцию лишь в их пределах. Если они не указаны, то Суд вправе сам определить, относится или нет определенное деяние к той ситуации, которую ему поручено рассмотреть.

Территориальные пределы юрисдикции Международного уголовного суда в данном случае также определяются в резолюции Совета Безопасности. Это может быть часть территории определенного государства, территория всего государства или даже определенный географический регион, включающий в себя несколько государств. Не имеет значения, являются ли подобные государства членами Международного уголовного суда или нет.

Впервые Совет Безопасности ООН использовал предоставляемые ему ст. 13 Статута Суда полномочия в 2005 г., приняв Резолюцию № 1593 (2005)⁷, в которой поручил Прокурору Суда рассмотреть ситуацию в Дарфуре (одном из регионов Судана) с 1 июля 2002 г.⁸ Как известно, на основании этого поручения Международный уголовный суд выдал ордер на арест президента Судана Омара аль-Башира и еще нескольких суданских граждан⁹.

⁶ Волеводз А. Г., Волеводз В. А. Современная система международной уголовной юстиции: хрестоматия. М., 2009. С. 284.

⁷ www.un.org/press/en/2005/sc8351.doc.htm (дата обращения: 22.02.2017).

⁸ О конфликте в Дарфуре см.: Кениве Н. Ответственность по защите и кризис в Дарфуре // Международное право — International Law. 2005. № 3. С. 217–269.

⁹ Юсупов М. Р. Решение Международного уголовного суда о выдаче ордера на арест главы Судана Омара Хасана аль-Башира // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 89–93.

Очевидно, что, например, использованное в Резолюции № 1593 выражение «ситуация в Дарфуре» не имеет четко определенных географических границ и что применительно к конкретному преступлению в этом случае сам Международный уголовный суд определяет, относится ли оно к указанной в резолюции Совета Безопасности ООН ситуации или нет. Поэтому вполне можно представить себе случай, когда обвиняемый будет оспаривать подсудность Международному уголовному суду определенного деяния, ссылаясь на то, что оно не подпадает под указанную в резолюции Совета Безопасности ООН ситуацию. В этом случае в первую очередь решение будет принимать сам Международный уголовный суд, его структурные подразделения — сначала Прокурор и Палата предварительного производства, потом, если в этом будет необходимость, — судебная палата и апелляционная палата.

Однако это решение может и не быть окончательным. Ведь в данном случае полномочия Международного уголовного суда в конечном счете основываются на соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН. Поэтому, если Совет Безопасности сочтет нужным, он вправе принять еще одну резолюцию, уточняющую территориальные пределы той ситуации, которую он передал на рассмотрение Международного уголовного суда, и тем самым либо подтвердит, либо наоборот, опровергнет то решение, которое принял применительно к этому конкретному делу сам Международный уголовный суд.

Что касается юрисдикции по кругу лиц, то в случае, когда определенная ситуация передается на рассмотрение Прокурора Суда Советом Безопасности ООН, гражданство возможных подозреваемых и обвиняемых и то обстоятельство, являются ли государства их гражданства членами Суда, не имеет значения. Любые лица, совершившие преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда в рамках ситуации, переданной на рассмотрение Суда Советом Безопасности ООН, могут быть привлечены им к ответственности независимо от их гражданства.

По-иному определяются пределы временной и территориальной юрисдикции Международного уголовного суда в тех случаях, когда уголовное преследование осуществляется по инициативе государства — члена Суда или Прокурора Суда. Юрисдикция Международного уголовного суда в этом случае распространяется на территорию соответствующего государства и его граждан либо с 1 июля 2002 г. (если данное государство ратифицировало Статут Международного уголовного суда до этой даты, когда он вступил в силу), либо с того момента после этой даты, когда оно признало для себя обязательность Статута.

Международный уголовный суд может также утратить юрисдикцию в отношении деяний, совершенных на территории данного государства или его гражданами, если данное государство перестанет признавать обязательность положений Римского статута 1998 г. и тем самым выйдет из числа участников Международного уголовного суда. Именно о таком намерении объявили осенью 2016 г. три африканских государства — Южно-

Африканская Республика¹⁰, Бурунди¹¹ и Гамбия¹². Однако в отношении деяний, совершенных на территории этих государств и гражданами этих государств за время их членства в Международном уголовном суде, он по-прежнему сохраняет свою юрисдикцию. Следовательно, при наличии достаточных оснований Международный уголовный суд имеет право реализовать свою юрисдикцию в отношении государств, не являющихся членами Суда, но ранее бывших таковыми, в отношении деяний, совершенных на их территории за период их членства в Суде.

По собственной инициативе Международный уголовный суд вправе осуществлять уголовное преследование преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, совершенных только на территории тех государств, которые признали юрисдикцию Суда, подписав и ратифицировав его Статут, и только в течение того времени, пока Статут Международного уголовного суда сохраняет силу для данного государства.

Именно такой способ определения временной и пространственной юрисдикции и отличает Международный уголовный суд от иных типов международных уголовных судебных учреждений, например Нюрнбергского трибунала или Трибунала по бывшей Югославии, чья территориальная и временная юрисдикции были определены либо по договору между государствами — победителями во Второй мировой войне, либо резолюцией Совета Безопасности ООН. Государства — члены Международного уголовного суда сами добровольно передали ему часть своей уголовной юрисдикции, присущей им в силу имеющегося у них суверенитета, в отношении преступлений, указанных в Статуте Суда, и, таким образом, юрисдикция Международного уголовного суда распространяется лишь на территорию государств — членов Суда.

Статья 12 Статута Международного уголовного суда определяет, что Суд может осуществлять свою юрисдикцию, если преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, были совершены на территории государства — члена Суда, или на борту морского или воздушного судна, зарегистрированного в данном государстве, или на территории другого государства гражданином этого государства¹³.

Таким образом, территориальные пределы юрисдикции Международного уголовного суда совпадают с государственными границами членов Суда.

Однако применение этого простого на первый взгляд положения может столкнуться и с немалыми трудностями. Ведь государственные границы не остаются неизменными. Они меняются, и далеко не всегда эти

¹⁰ URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2016/CN.786.2016-Eng.pdf> (дата обращения: 28.01.2017).

¹¹ URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2016/CN.805.2016-Eng.pdf> (дата обращения: 28.01.2017).

¹² URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2016/CN.862.2016-Eng.pdf> (дата обращения: 28.01.2017).

¹³ *Волеводз А. Г., Волеводз В. А.* Современная система международной уголовной юстиции... С. 284.

изменения немедленно получают полное признание как заинтересованных государств, так и мирового сообщества. Например, распространяется ли юрисдикция Международного уголовного суда на ту часть территории государства-участника, которое вошло в состав другого государства, не являющегося участником Суда, причем это изменение государственных границ частью других государств признается, а частью — нет? Или будет ли юрисдикция Международного уголовного суда распространяться на территорию вновь созданного государства, ратифицировавшего Статут Суда, если он было создано на части территории государства, не являющегося членом Суда и не признающего вновь созданное государство?

Подобные вопросы, как показывает деятельность Международного уголовного суда, уже не носят только теоретический характер. Как известно, 27 января 2016 г. Палата предварительного производства I по просьбе Прокурора Суда уполномочила его начать предварительное расследование возможных преступлений, совершенных в период вооруженного конфликта между вооруженными силами Грузии, Южной Осетии и Российской Федерации в 2008 г.

В Решении Палаты предварительного производства, опубликованном на официальном сайте Международного уголовного суда, указывается, что Прокурор Суда на основе собранных сведений пришел к выводу о наличии достаточных оснований предполагать совершение тремя сторонами, участвовавшими в конфликте, а именно вооруженными силами Грузии, вооруженными силами Южной Осетии и вооруженными силами Российской Федерации, преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, т. е. военных преступлений и преступлений против человечности, в период данного вооруженного конфликта. В соответствии с принципом комплементарности Международный уголовный суд не вправе начинать собственное расследование до тех пор, пока расследование этих преступлений осуществляют национальные правоохранительные органы. Однако, по данным Суда, в марте 2015 г. такое расследование в Грузии было прекращено, в то время как в Российской Федерации оно продолжается. Поэтому Прокурор Суда обратился к Палате предварительного производства с просьбой разрешить начать собственное предварительное расследование возможных преступлений, совершенных в ходе югоосетинского вооруженного конфликта 2008 г.; Палата уполномочила Прокурора Суда начать расследование этих преступлений, совершенных в ходе данного конфликта в период между 1 июля и 10 октября 2008 г.¹⁴

Вопросу о том, распространяется ли на вооруженный конфликт в Южной Осетии юрисдикция Суда, посвящен п. 6 упомянутого Решения. В нем отмечается, что преступления, указанные Прокурором в его просьбе о начале расследования, являются преступлениями в соответствии со Статутом Суда и были предположительно совершены после 1 декабря

¹⁴ Решение Палаты предварительного производства I в отношении просьбы Прокурора на предоставлении санкции на проведение расследование от 27 января 2016 г. URL: https://www.icc-cpi.int/Courtrecords/CR2016_01811.PDF (дата обращения: 15.02.2017).

2003 г. — даты вступления Статута в силу для Грузии. Также эти преступления были совершены на территории Грузии, в чем Палата предварительного производства согласилась с мнением Прокурора, согласно которому Южная Осетия должна рассматриваться как часть Грузии, поскольку она «как правило, не считается независимым государством и не является членом Организации Объединенных Наций»¹⁵.

Представляется, что правовой статус Южной Осетии заслуживал гораздо большего внимания со стороны Палаты предварительного производства I, чем она уделила ему в п. 6 процитированного Решения.

Как известно, Южная Осетия объявила о своей независимости 29 мая 1992 г.¹⁶ Ранее в этом же году грузинское правительство, несмотря на применение вооруженных сил, утратило эффективный контроль над территорией нового государства и в соответствии с подписанным 24 июня 1992 г. в Дагомысе (Россия) международным договором о прекращении огня согласилось на направление в зону конфликта Смешанных сил по поддержанию мира для осуществления контроля за исполнением этого соглашения¹⁷. Собственно говоря, смыслом вооруженного конфликта августа 2008 г. и была попытка правительства Грузии вооруженным путем восстановить контроль над Южной Осетией; попытка эта закончилась неудачей. При этом если до вооруженного конфликта 2008 г. независимость Южной Осетии от Грузии не признавалась иными государствами, то после конфликта Южную Осетию как независимое государство признала Российская Федерация¹⁸. Позднее Южную Осетию признали Никарагуа, Венесуэла, Туvalu и Науру. Таким образом, использованное Палатой предварительного производства выражение, согласно которому Южная Осетия «как правило» рассматривается как часть Грузии, представляется крайне неудачным. Правильнее было бы указать, что в настоящее время большинство стран пока не признает Южную Осетию и считает ее территорию частью территории Грузии, но для тех государств, которые уже признали ее независимость, она является таким же суверенным государством, как и сама Грузия.

Вместе с тем для при расследовании преступлений, предположительно совершенных в ходе конфликта 2008 г., Международный уголовный суд должен учитывать, что из трех его участников — Грузии, Южной Осетии и Российской Федерации — только Грузия ратифицировала Статут Международного уголовного суда. Ни Южная Осетия, ни Российская Федерация его участниками не являются и его юрисдикцию на своей территории не признают.

Таким образом, возникает вопрос: каковы территориальные пределы юрисдикции Международного уголовного суда в данной ситуации? Очевидно, что она распространяется на те деяния, которые в ходе этого

¹⁵ Там же.

¹⁶ Акт о провозглашении независимости Южной Осетии от 29 мая 1992 г. URL: http://www.runivers.ru/hist/osetia_indep.php (дата обращения: 15.02.2017).

¹⁷ Широкопад А. Б. Грузия: закавказский тупик? М., 2010. С. 213.

¹⁸ Указ Президента РФ от 26 августа 2008 г. № 1261 «О признании Республики Южная Осетия». URL: <https://rg.ru/2008/08/29/osetiya-dok.html> (дата обращения: 15.02.2017).

конфликта были совершены за пределами Южной Осетии, на остальной территории Грузии, а также на деяния, совершенные гражданами Грузии в том числе на территории Южной Осетии. Но распространяется ли она на деяния, совершенные гражданами Южной Осетии и России, государств, не являющихся членами Международного уголовного суда, на территории Южной Осетии?

В более общем виде эту проблему можно сформулировать так: кто и каким образом должен определять территориальные пределы юрисдикции Международного уголовного суда в тех случаях, когда государственная принадлежность определенной территории является спорной?

Представляется, что ответ на этот вопрос вытекает из международно-правового статуса Международного уголовного суда. По мнению многих исследователей, в том числе А. Я. Капустина¹⁹ и К. С. Галланта²⁰, к которому присоединяется и автор настоящей статьи, Международный уголовный суд является самостоятельной международной организацией. В соответствии со ст. 4 Статута Суд обладает международной правосубъектностью и такой правоспособностью, которая может оказаться необходимой для осуществления его функций²¹.

Одним из проявлений этой международной правосубъектности является право Международного уголовного суда, как и других международных организаций, признавать или нет вновь возникшие государства и иные изменения границ между государствами. Таким образом, Прокурор Международного уголовного суда и Палата предварительного производства, считая Южную Осетию по-прежнему частью Грузии и полагая, что вооруженный конфликт 2008 г. имел место на территории Грузии, на которую распространяется юрисдикция Международного уголовного суда, тем самым от имени Международного уголовного суда как международной межправительственной организации отказали Южной Осетии в признании. В соответствии с этой позицией, согласно которой Южная Осетия продолжает оставаться частью Грузии, Международный уголовный суд и действует.

Однако необходимо иметь в виду, что такая позиция Международного уголовного суда никоим образом не является определяющей для других государств и международных организаций. Она никак не может воспрепятствовать им занять другую позицию и признать Южную Осетию в качестве нового независимого государства, как, например, поступила Российская Федерация в августе 2008 г., и тем самым не признавать юрисдикцию Международного уголовного суда применительно к деяниям, совершенным в ходе вооруженного конфликта 2008 г. после даты этого признания. Разумеется, и сама Южная Осетия не прекратила своего существования после

¹⁹ Капустин А. Я. Правовой статус Международного уголовного суда // Российский ежегодник международного права. 2003. Специальный выпуск. СПб., 2003. С. 17.

²⁰ Gallant K. S. The International Criminal Court in the system of states and international organizations // Leiden journal of international law. 2003. N 3. P. 553.

²¹ Волеводз А. Г., Волеводз В. А. Современная система международной уголовной юстиции... С. 277.

отказа в признании со стороны Международного уголовного суда и продолжает не признавать его юрисдикцию на своей территории.

Такое положение, как представляется, весьма затрудняет возможность сотрудничества между Международным уголовным судом, с одной стороны, Южной Осетией и Россией — с другой, при расследовании деяний, совершенных в ходе конфликта 2008 г. Конечно же, Россия и Южная Осетия как государства, не являющиеся членами Суда, и так не обязаны сотрудничать с ним. Однако в данном случае они не должны сотрудничать с Международным уголовным судом и на добровольной основе, поскольку, по мнению этих государств, юрисдикция Международного уголовного суда не распространяется на деяния их граждан, совершенные на территории Южной Осетии. Впрочем, такое сотрудничество возможно в том случае, если обвиняемым был бы гражданин Грузии или другого государства — участника Суда. Они могут быть привлечены к ответственности в Международном уголовном суде независимо от того, какой международно-правовой статус имела Южная Осетия в период конфликта.

Как мы видим, пример с Южной Осетией показывает, что деятельность Международного уголовного суда не может быть сведена лишь к чисто уголовно-правовой оценке деяний определенных физических лиц. Для осуществления такой уголовно-правовой оценки в данном случае оказывается необходимым решить сугубо политический вопрос об определении международно-правового статуса Южной Осетии. Очевидно, что по своей природе и по своей сложности этот вопрос носит иной характер, чем те вопросы, которые, собственно, и признаны решать должностные лица Международного уголовного суда. Напомним, что согласно требованиям ст. 36 Статута Суда кандидаты в судьи должны обладать признанной компетентностью в области уголовного и процессуального права и необходимым опытом работы в сфере уголовного судопроизводства, или признанной компетентностью в соответствующих областях международного права, таких как международное гуманитарное право и права человека²².

Представляется, что такие сложнейшие вопросы, как международно-правовой статус спорной территории, признание или непризнание вновь возникшего государства, не должны решаться Международным уголовным судом в обычном порядке, установленном для определения факта совершения преступления или определения вины конкретного юридического лица. Политико-правовые вопросы, которые могут возникнуть при выполнении должностными лицами Международного уголовного суда своих функций, должны решаться не ими, а более авторитетным органом Суда, а именно Ассамблеей государств-участников. Именно этот орган, в котором представлены все государства — члены Суда, и мог бы определять позицию Суда по отношению к территориям, относительно правового статуса которых в международном сообществе существуют различные позиции. Столкнувшись с подобной ситуацией, Прокурор Суда или соответствующая палата должны были бы направить ее на рассмотрение

²² Там же. С. 295.

Ассамблеи государств-участников и в дальнейшем руководствоваться именно ее решением. Это придавало бы ему значительно больший авторитет и обоснованность.

Подводя итог, можно отметить, что в целом в учредительных документах международных уголовных судебных учреждений определение их временной и территориальной юрисдикции осуществлялось достаточно четко и не приводило, как показывает практика этих судебных учреждений, к существенным спорам или задержкам в осуществлении их функций. Однако существующий механизм определения территориальных пределов Международного уголовного суда нуждается в уточнении. В противном случае это может значительно повлиять на авторитетность выносимых им приговоров и даже прервать его сотрудничество как с государствами-членами, так и с государствами — не членами Суда.

Литература

Волеводз А. Г., Волеводз В. А. Современная система международной уголовной юстиции: хрестоматия. М.: Юрлитинформ, 2009. 533 с.

Капустин А. Я. Правовой статус Международного Уголовного Суда // Российский ежегодник международного права. 2003. Специальный выпуск. СПб.: Россия-Нева, 2003. С. 17–26.

Кениве Н. Ответственность по защите и кризис в Дарфуре // Международное право — International Law. 2005. № 3. С. 217–269.

Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных военных преступников. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 264 с.

Широкорад А. Б. Грузия: закавказский тупик? М.: Вече, 2010. 416 с.

Юсупов М. Р. Решение Международного уголовного суда о выдаче ордера на арест главы Судана Омара Хасана аль-Башира // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 89–93.

Gallant K. S. The International Criminal Court in the system of states and international organizations // Leiden journal of international law. 2003. N 3. P. 551–572.

Van Reybrouck D. Kongo. En historia. Stockholm: Natur&Kultur, 2012. 633 s.

References

Gallant K. S. The International Criminal Court in the system of states and international organizations. *Leiden journal of international law*, 2003, no. 3, pp. 551–572.

Kapustin A. Ya. Pravovoi status Mezhdunarodnogo Ugolovnogo Suda [Legal status of the International Criminal Court]. *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava [Russian Yearbook of International Law]*. Special edition. St. Petersburg, Rossiya-Neva Publ., 2003, pp. 17–26. (In Russian)

Keniwe N. Otvetstvennost' po zashchite i krizis v Darfure [Responsibility and crisis in Darfur]. *Mezhdunarodnoe pravo — International Law [Mezhdunarodnoe pravo — International Law]*, 2005, no. 3, pp. 217–269. (In Russian)

Raginskiy M. Yu., Rosenblit S. Ya. *Mezhdunarodnyi protsess glavnykh voennykh prestupnikov [International process of the main military criminals]*. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Academy of Science, 1950, 264 p. (In Russian)

Shirokorad A. B. *Gruzia: zakavkazskii tupik? [Georgia: transcaucasian impasse?]*. Moscow, Vechе Publ., 2010, 416 p. (In Russian)

ЮРИСДИКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ УГОЛОВНЫХ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
МАРУСИН И. С.

Van Reybrouck D. *Kongo. En historia*. Stockholm, Natur&Kultur, 2012. 633 p.

Volevodz A. G., Volevodz V. A. *Sovremennaia sistema mezhdunarodnoi ugovovnoi iustitsii: khrestomatiia [Modern system of international criminal justice]*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009, 533 p. (In Russian)

Yusupov M. R. Reshenie Mezhdunarodnogo ugovovnogo suda o vydache ordera na arest glavy Sudana Omara Khasana al'-Bashira [International Criminal Court decision to give out arrest warrant for Sudan president Omar Hasan al-Bashir]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Herald of Moscow University of the interior ministry of Russia]*, 2012, no. 3, pp.89–93. (In Russian)